

В гостиной на первом этаже у окна стояло полустаринное вертикальное фортепиано, выглядевшее по-настоящему архаично. Чжун Гуаньбай подошёл к нему и увидел на подставке для нот второй концерт для фортепиано си-бемоль мажор.

Он открыл крышку инструмента и, собравшись с духом, сыграл произведение.

Вэнь Юэань сказал:

— Ещё раз.

Чжун Гуаньбай не осмелился обернуться и снова поднял руки, чтобы сыграть.

Вэнь Юэань повторил:

— Ещё раз.

Звуки фортепиано раз за разом наполняли комнату.

Когда он сыграл в пятидесятый раз, Лу Цзаоцю подошёл и взял его за руку, обернувшись к Вэнь Юэаню:

— Господин Вэнь, давайте остановимся здесь.

Вэнь Юэань поднял глаза на Лу Цзаоцю:

— Ах Бай, он тебя балует. Что ты сам скажешь?

— Я... — Чжун Гуаньбай опустил голову. — ...Ещё раз.

Солнце за окном медленно садилось, и комната постепенно погружалась во тьму. Вэнь Юэань сидел в инвалидном кресле, не произнося ни слова. Лу Цзаоцю стоял рядом с Чжун Гуаньбаем, тоже молча.

В комнате звучало только фортепиано.

Чжун Гуаньбай не видел нот, но чистые и плавные звуки постепенно лились из-под его пальцев.

Повторение снова и снова казалось одинаковым, но в невидимом месте словно медленно трескалась каменная стена. Камни и песок падали с неё, и сквозь трещины проникал слабый свет.

Звуки фортепиано, запертые за стеной, просачивались сквозь щели, превращаясь в тонкие

ручейки. Стена постепенно разрушалась, ручейки сливались в реку, которая бурно текла вперёд.

Наконец, стена с грохотом рухнула.

В темноте звуки фортепиано Чжун Гуаньбая были подобны бушующему морю.

Когда он закончил играть, последние ноты стали похожи на спокойное море, отлив уже прошёл, оставив лишь слабый отголосок бывшего величия.

В комнате воцарилась тишина.

Чжун Гуаньбай словно снова вернулся в те времена, когда только начинал учиться играть.

В течение десяти лет перед поступлением в консерваторию его послешкольные дни и выходные почти всегда проходили в этом маленьком доме, независимо от времени года и погоды.

В те холодные зимние дни он прятал руки в рукава, не желая вытаскивать их. Тогда Вэнь Юэань говорил ему:

— Ах Бай, если пальцы не двигаются, на них появятся обморожения.

В жаркие летние дни он, обливаясь потом, играл на фортепиано, пока не уставал от жары. Тогда Вэнь Юэань заставлял его писать кистью на столе иероглифы «спокойное сердце», и он не мог остановиться, пока снова не был готов играть.

Время Вэнь Юэаня, казалось, не текло. Незаконченная шахматная партия в его дворе, телевизор в комнате, книжные полки, фортепиано и даже многие ноты оставались точно такими же, какими они были, когда Чжун Гуаньбай впервые вошёл в этот дом.

Чжун Гуаньбай встал с табурета и, полагаясь на знакомую память, включил свет в комнате.

Он опустился на колени перед инвалидным креслом Вэнь Юэаня.

— Ты забросил это на два года, не думай, что сможешь восстановить всё за одну ночь, — сказал Вэнь Юэань.

— ...Да, — ответил Чжун Гуаньбай.

Вэнь Юэань повернулся к Лу Цзаоцю:

— У меня осталось не так много времени, чтобы присматривать за Ах Баем. Не балуй его слишком сильно.

Чжун Гуаньбай задохнулся, сердце его сжалось от боли, и он не мог пошевелиться.

Лу Цзаоцю ответил:

— Да.

Вэнь Юэань добавил:

— Ах Бай добросердечен.

Вэнь Юэань никогда не говорил резких слов, и даже фраза «добросердечен» уже означала, что он считает Чжун Гуаньбая слабовольным. Как он мог этого не понять? С трудом подняв голову, он хрипло произнёс:

— Учитель...

— На столе в кабинете есть каллиграфия. Возьми её, когда будешь уходить, — сказал Вэнь Юэань.

Чжун Гуаньбай продолжал стоять на коленях, не желая вставать. Вэнь Юэань сказал:

— Цзаоцю, отведи его домой.

Лу Цзаоцю помог Чжун Гуаньбаю подняться с пола. Тот посмотрел на старые настенные часы, которые показывали десять часов. Он не осмелился больше беспокоить Вэнь Юэаня и отправился в кабинет за каллиграфией.

Кабинет находился на втором этаже. Чжун Гуаньбай включил свет. На просторном столе из персикового дерева под фарфоровым пресс-папье с синими узорами на белом фоне лежала каллиграфия.

*Горы Гуань, этот путь — надежда на раннее возвращение.

Белый снег растаял, но осень всё та же.*

Чжун Гуаньбай взял каллиграфию и провёл пальцем над иероглифами «надежда на раннее возвращение».

Вэнь Юэань призывал его вернуться.

Строка «Белый снег растаял, но осень всё та же» говорила ему, что ещё не поздно повернуть назад.

Чжун Гуаньбай бережно взял каллиграфию, выключил свет в кабинете и спустился вниз. Пройдя несколько ступенек, он остановился, вернулся в кабинет, развернул чистый лист рисовой бумаги, прижал его пресс-папье, приготовил тушь и взял кисть.

*Белый снег и горы Гуань, хотя и далеко,

Но даже тысяча смертей не освободит от долга перед учителем.*

Он слишком долго не занимался каллиграфией, и написанное получилось некрасивым. Боясь разочаровать Вэнь Юэаня ещё больше, он смял лист бумаги и выбросил его в мусорное ведро.

Когда он спускался с каллиграфией Вэнь Юэаня, он услышал, как тот сказал Лу Цзаоцю:

— Ты никогда не вмешиваешься в то, что любит делать Ах Бай, ты балуешь его... Ах Бай — хороший ребёнок. Иногда он теряет себя, забывает, что ему больше всего нравится, и не знает, куда идёт. Ты не должен позволять ему блуждать, ты должен вернуть его. Раньше он возвращался ко мне, теперь он будет возвращаться к тебе.

Услышав это, Чжун Гуаньбай побежал вниз по лестнице, чуть не споткнувшись.

— Учитель?! — с тревогой воскликнул он.

Вэнь Юэань улыбнулся:

— Ах Бай, ты слишком шумный. Я старик, не беспокой меня.

Чжун Гуаньбай немного успокоился. Вэнь Юэань сказал:

— Возвращайтесь домой.

Чжун Гуаньбай глубоко поклонился и вышел вместе с Лу Цзаоцю. Когда они выходили за дверь, он повернулся и аккуратно закрыл её. В тот момент он услышал, как Вэнь Юэань тихо произнёс:

— Человек живёт только один раз и может сделать только одно дело. Даже если придётся предать весь мир, без безумия нет жизни.

Чжун Гуаньбай замер на месте.

Через некоторое время из-за двери раздались очень тихие звуки фортепиано, словно озеро, уносящее опавшие цветы.

— Учитель играет «Бабочек», — тихо сказал Чжун Гуаньбай.

Он поднял голову, и лунный свет в звуках фортепиано был наполнен грустью.

Он осторожно развернул каллиграфию и показал её Лу Цзаоцю при свете луны.

— «Горы Гуань, этот путь — надежда на раннее возвращение. Белый снег растаял, но осень всё та же», — тихо прочитал Лу Цзаоцю, слегка растроганный.

Начиналось с «Гуань» и «Бай», а заканчивалось «Цзао» и «Цю». Это был призыв к Чжун Гуаньбаю вернуться к Лу Цзаоцю.

Чжун Гуаньбай посмотрел на Лу Цзаоцю, и в его глазах было что-то совершенно иное, чем раньше. Он сказал:

— Цзаоцю, поедем во Францию, как в тот раз, когда мы только начали встречаться, во время европейского турне.

Это было их второе совместное турне с симфоническим оркестром консерватории по Европе. Когда не было концертов и репетиций, они жили вместе, арендовали фортепиано и вместе играли и сочиняли музыку.

Лу Цзаоцю обнял Чжун Гуаньбая, его голос был низким и мягким:

— Хорошо.

Вернувшись домой, Чжун Гуаньбай достал из ящика два свидетельства о праве собственности на недвижимость и позвонил Юй Баю.

Юй Бай ответил:

— Бай-гэ?

— Сяо Юй, сколько мы потеряем после выплаты неустойки? — спросил Чжун Гуаньбай.

— Бай-гэ, ты всё ещё хочешь уйти?! — воскликнул Юй Бай.

— Сначала скажи, сколько потеряем, — настаивал Чжун Гуаньбай.

Юй Бай немного помедлил, назвал астрономическую сумму, и Чжун Гуаньбай достал из ящика ещё два свидетельства о праве собственности на автомобили, затем подсчитал свои акции:

— Хм, хоть что-то скопил. Хватит на выплату, и ещё можно выплатить вам всем зарплату за

полгода.

Юй Бай хотел что-то сказать, но Чжун Гуаньбай перебил его:

— Сяо Юй, за эти годы у меня, Чжун Гуаньбая, всё же появилось несколько друзей. Я постараюсь устроить вас всех.

— Я беспокоюсь о том, куда мне идти? — почти с гневом сказал Юй Бай. — Ты думаешь, мы все переживаем только за себя? Все работают ради тебя, Бай-гэ. Ты стал таким известным, разве мы не можем сожалеть за тебя? Лу-солист, который не знает, что такое трудности, считает, что мы гонимся за славой и богатством в шоу-бизнесе, что мы пошлые. Ты тоже так думаешь? Хорошо, даже если мы пошлые, но этот мир держится на нас, таких пошлых. Сколько людей смогли заработать на жизнь благодаря тебе? Сколько денег ты пожертвовал на благотворительность? Без славы и денег ничего бы этого не было.

Чжун Гуаньбай молча слушал.

Юй Бай высказал всё, что хотел, но не получил ответа. Тогда он, тяжело дыша, спросил:

— Бай-гэ, ты меня слышишь?

— Слышу, — ответил Чжун Гуаньбай.

— Я всё сказал, — произнёс Юй Бай, выпрямив шею.

— Сяо Юй... — Чжун Гуаньбай подошёл к полке с нотами в музыкальной комнате и начал перебирать их, проводя пальцем по каждой. Он прошёл от одного конца до другого, и его пальцы покрылись тонким слоем пыли.

Он убрал руку и, глядя на пыль на кончиках пальцев, сказал:

— В мире благотворительности не будет не хватать одного Чжун Гуаньбая.

Благотворительность не нуждается в Чжун Гуаньбае, это Чжун Гуаньбай нуждается в благотворительности.

Трудно отказаться от желания быть спасителем, но это не более благородно, чем нежелание отказаться от славы и богатства.

Быть святым легко, быть злодеем — трудно.

<http://bllate.org/book/15543/1382811>